

Экономическое развитие Болгарии в 60-е годы XX в. глазами советских дипломатов (по документам Архива внешней политики Российской Федерации)*

Развернувшаяся в 1990-е годы в России «архивная революция» положила начало процессу формирования качественно новой источниковой базы исторических исследований, в основу которой легли рассекреченные документы, в том числе и имевшие гриф «особая папка». В советском партийно-государственном делопроизводстве это означало высшую степень секретности. Открыв перед исследователями новые возможности работы с документами, «архивная революция» в 2000-е годы, к сожалению, пошла на убыль, что ученые быстро почувствовали, столкнувшись с ограничением доступа к документам и фактическим (негласным) вторичным засекречиванием отдельных фондов и архивных коллекций. В наши дни медленный и развивающийся с откатами процесс рассекречивания архивных материалов негативно отражается на формировании стойкого исследовательского интереса к ранее слабо изученным периодам советской истории, в частности, к проблематике 1960–1970-х годов, и особенно ее международного аспекта. Однако, безусловно, есть и некоторые позитивные подвижки, позволяющие говорить об определенной перспективе научных изысканий. Прежде всего, назову фундаментальную публикацию материалов Президиума ЦК КПСС за 1954–1964 гг., вышедшую в 2003–2008 гг. в серии «Архивы Кремля»¹.

* Очерк написан при финансовой поддержке РФФИ в рамках работы над проектом № 18-59-18002 Болг_а «Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность)».

В научный оборот введены документы, раскрывающие повседневную работу высшего советского партийно-государственного органа в так называемое хрущёвское десятилетие. В рамках общих проблем «социалистического лагеря» рассматриваются и двусторонние советско-болгарские отношения, но они занимают относительно скромное место, прежде всего в силу того, что Болгария считалась надежной составляющей «социалистического лагеря» и положение в стране не вызывало в Москве беспокойства. Этим объясняется и еще одна особенность публикуемых документов — акцент на экономическое сотрудничество Болгарии с СССР и другими социалистическими странами, в том числе и в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Обстоятельно этот сюжет проанализировал российский историк А.С. Стыкалин².

В настоящем очерке предпринята попытка посмотреть на экономическое развитие Болгарии в 1960-е годы глазами советских дипломатов, работавших в посольстве СССР в Софии. Их оценки и выводы отложились в документах Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Архив этот является ведомственным: его «хозяин» — министерство иностранных дел, что обуславливает определенные особенности работы исследователей. Незнание этих особенностей подчас рождает необоснованные претензии иностранных коллег к нам, российским ученым. Так, в одной из бесед с составителями двухтомника «Восточная Европа в документах российских архивов» (М., 1997, 1998) чешский (а ныне немецко-чешский) историк Михал Рейман упрекнул коллег, что они не указали хотя бы приблизительное процентное соотношение опубликованных ими документов, в том числе и из АВП РФ, с теми, которые еще находятся в хранилищах и не дошли до пользователей. Упрек довольно странный, вызывающий встречный вопрос, насколько вообще выполнимо подобное пожелание. Особенно актуально он звучит в случае с АВП РФ: в этом архиве исследователь не имеет возможности знакомиться с описями фондов. Материалы по заявленной им теме подбирает по своему усмотрению хранитель фонда. Поэтому представить себе, хотя бы приблизительно, количество дел по исследуемой проблеме в конкретном фонде или их примерное содержание

исследователь не может. Тем не менее, по собственному опыту могу утверждать, что фондохранители со вниманием и пониманием относятся к исследователям, и сотрудничество сторон, безусловно, приносит свои плоды.

В АВП РФ основная масса рассекреченных документов по советско-болгарским отношениям сосредоточена в фондах «Референтура по Болгарии» (Ф. 74; 074). Формировался он по проблемно-хронологическому принципу: Болгария в системе международных отношений, внешняя политика (в том числе отношения с СССР и другими странами «социалистического лагеря»), внутренняя политика, экономика, положение национальных меньшинств, культурная жизнь, политические партии (БКП, БЗНС) и общественные организации, обзоры периодических изданий и пр.

Основной корпус документов фонда составляют материалы, поступавшие в МИД СССР из советского посольства в Софии. Их диапазон широк: дневники послов и ответственных сотрудников посольства, политические письма руководству МИД СССР, переписка с отделами министерства, курировавшими в разные годы Болгарию, годовые и полугодовые отчеты посольств и консульств, записи бесед советских дипломатов с руководящими политическими и общественными деятелями страны, аналитические материалы, информационные справки и обзоры по широкому кругу вопросов, включая обстановку в стране и настроения населения, телефонограммы, сообщения, запросы в «центр» по конкретным вопросам и т.д.

Материалы фонда отражают постоянный интерес советского руководства к настроениям в болгарском обществе. Особенно обострялся этот интерес в связи со знаковыми событиями международного характера или важными вехами в политической жизни обеих стран (пленумами и съездами руководящих партий, принятием важных постановлений политического и экономического характера, перестановками в руководстве и пр.) и непременно — после визитов партийно-правительственных делегаций в Москву или Софию. Обычной практикой являлись поездки советских дипломатов по стране, встречи с местными руководителями, активом, рядовыми гражданами. При этом фиксировались настроения местных «верхов» и населения, их реакция на те или иные

мероприятия власти, оценки международных событий, ходившие по стране слухи, анекдоты и пр. Наблюдения обобщались и передавались в V Европейский отдел (V ЕО) МИД, курировавший в 60-е годы Болгарию. Этот материал весьма информативен и помогает воссоздать объективную картину состояния болгарского общества, его критический потенциал, прежде всего, в силу того, что с советскими дипломатами болгары бывали достаточно откровенными и не видели необходимости камуфлировать свои настроения. Советское руководство, оценивавшее ситуацию в масштабах всего «социалистического лагеря» и еще хорошо помнившее драматические события 1956 г. в Польше и Венгрии, тем не менее, специально не нацеливало аппарат посольства в Софии на поиски истоков антисоветских настроений. Но и не выпускало этот вопрос из поля зрения: соответствующие проявления тщательно фиксировались, их причины анализировались. Так, например, во время визита в Болгарию советской делегации, прибывшей в сентябре 1964 г. на празднование 20-летия «социалистической революции», советский лидер Л.И. Брежнев настойчиво интересовался у «хозяев» отношением населения к постановке болгарской стороной вопроса о всестороннем сближении Болгарии и Советского Союза с перспективой их объединения и, в частности, не вызовет ли это всплеска антисоветских настроений³.

Большое и постоянное внимание, как следует из документов, советские представители в стране уделяли вопросам экономики. Здесь следует сказать, что готовившиеся ими материалы были предназначены «для внутреннего пользования», и для них характерна, при несомненно дружеском и теплом отношении к болгарской стороне, значительная критическая составляющая.

В истории Болгарии 1960-е годы связаны с утверждением общественно-политической модели, получившей впоследствии название «живковизм». Отсчет истории режима личной власти болгарского лидера ведется с 1962 г., когда в его руках сосредоточилась не только партийная, но и высшая государственная власть: будучи Первым секретарем ЦК БКП, он возглавил правительственный кабинет. Победив во внутривластной борьбе, Тодор Живков блокировал возможные попытки со стороны по-

литических конкурентов вытеснить его с партийно-государственного Олимпа. Отныне вызовы власти будут поступать с другой стороны: «ахиллесовой пятой» режима вплоть до его краха в конце 1980-х годов будут проблемы экономики, требовавшие постоянного внимания и поиска адекватных путей решения.

Но начинал Живков не с чистого листа. Еще с конца 1950-х годов он активно участвовал в разработке экономической стратегии. Своего рода знаковым стал для него 1958 год. В июне на VII съезде БКП был провозглашен тезис о «полной победе социалистических производственных отношений» в стране⁴; в октябре на пленуме ЦК партии было объявлено об ускорении темпов экономического развития, а месяцем позже, в ноябре, очередной пленум ЦК принял решение не просто о сокращении сроков третьей пятилетки, рассчитанной на 1958–1962 гг., а о «скачке в развитии... страны», который, по словам Живкова, позволит шагнуть «на 10 лет вперед»⁵. Вне всяких сомнений, непосредственным ориентиром для болгарского руководства стала модель большого китайского «скачка».

С китайским опытом ускоренного развития болгары познакомились в сентябре-октябре 1957 г., когда правительственная делегация во главе с Вылко Червенковым посетила Китай, Корею, Вьетнам и Монголию. Серия статей Червенкова в партийной печати с пропагандой «китайской модели» наделала много шума. Живков, обеспокоенный в связи с этим ростом популярности Червенкова, решил перевести стрелку на себя: объявить о болгарском «скачке». Таким нехитрым «маневром» Живков, по словам заведующего его канцелярией Нико Яхиеля, «выбил почву» из под ног Червенкова⁶ и сосредоточил внимание общества на собственной персоне.

Однако было бы неверно считать, что Живков руководствовался только карьерными соображениями. Думается, что он действительно поверил в реальность китайского феномена и возможность достижения чего-то подобного в Болгарии. Не случайно болгарская исследовательница проф. Искра Баева отметила присущую Живкову веру в экономические «чудеса»⁷, которая впоследствии не раз играла с ним злую шутку, делала заложником идей, обещавших быстрый экономический рост⁸. Это первое

самостоятельное вмешательство болгарского лидера в национальную экономическую стратегию отразило очевидное намерение Живкова заявить о себе как о национальном лидере-новаторе, причем международного масштаба: объявляя о новом курсе, он представил себя его творцом, не упомянув об экономических реформах ни в Китае, ни в СССР.

Однако внимательных наблюдателей это не могло обмануть. В одной из аналитических справок ЦРУ от 11 августа 1959 г., посвященной политической стабильности советских сателлитов в Европе, справедливо отмечалось: «Болгарский “скачок вперед” включает формулировки астрономических показателей в экономике, административно-экономическую организацию (речь шла о новом административном делении страны, закрепившем территориально-отраслевое управление по примеру советских экономических районов. — *Т. В.*), заимствование характерных черт совнархоза и китайской коммуны и вообще отражает идеологическую непримиримость, не встречающуюся ни в одной другой стране-сателлите. Всё еще испытывая влияние главным образом советской модели, болгарские лидеры в той или иной степени воодушевлены драконовскими мерами и амбициозными программами китайских коммунистов... Как правило, чрезмерно усердные (в копировании чужого опыта), они находятся под воздействием своего желания продемонстрировать преимущество перед другими сателлитами в построении социализма»⁹. Показательное совпадение оценок: комментируя болгарский «большой скачок», Н.С. Хрущёв с иронией констатировал, что «болгары захотели всех переплюнуть»¹⁰.

Действительно, прозвучавшие в докладе Живкова на ноябрьском пленуме 1958 г. цифры обрисовывали заманчивые перспективы. Однако они были абсолютно нереалистичными. Так, уже в директивах пятилетнего плана предусматривалось увеличение объема сельскохозяйственной продукции на 35%, что предполагало небывалые темпы среднегодового роста, а в связи с объявленным на пленуме ускорением этот показатель должен был достичь 74%. Это означало, что уже в 1960 г. объем сельскохозяйственного производства предстояло увеличить в три раза, по сравнению с 1958 г. Интересно, как предполагалось решать

поставленную задачу. Общие заявления о более полном использовании внутренних резервов и производственных мощностей, развитии собственной сырьевой базы и пр. не могли обмануть аналитиков: болгарское руководство с самого начала рассчитывало на советскую помощь. Да Живков этого и не скрывал. «В этой великой битве мы, наша страна, не одиноки, — заявил он. — У нас есть верный брат, товарищ и защитник — могучий Советский Союз. С его помощью мы сможем взять любую крепость»¹¹. Позднее, выступая на XXI съезде КПСС (январь-февраль 1959 г.), Живков вполне объективно констатировал, что «во все поры нашего народного хозяйства и культуры проникают живительные соки братской советской помощи»¹².

Неподдельный энтузиазм Живкова, выделявший его на фоне других восточноевропейских лидеров, также проводивших в своих странах курс на ускорение экономического развития, отмечен в болгарской историографии. Ему удалось, например, настолько увлечь намеченными планами руководителя КПЧ, президента Чехословакии Антонина Новотного, посетившего Болгарию в октябре 1958 г., что тот в кулуарах XXI съезда КПСС «со страстью» доказывал сомневавшемуся польскому лидеру Владиславу Гомулке реальность высоких темпов развития болгарской экономики¹³.

Однако только цифрами дело не ограничивалось. Живков, как оказалось, претендовал на вклад в теорию, заявив о скачкообразном развитии как «закономерности» продвижения по пути к коммунизму. Однако вскоре стало ясно, что при этом тщательному экономическому расчету болгарское руководство предпочло ставку на энтузиазм населения, его идеологическую обработку как главную мотивацию производительного труда, поиск «скрытых резервов» ускорения путем перевыполнения планов и сокращения сроков выполнения пятилетки (в сельском хозяйстве — за три года, в промышленности — за четыре, а где нет возможности — за четыре года и три месяца). Причем, по советскому примеру вскоре было заявлено о введении болгарского «ускорения» в рамки семилетки 1959–1965 гг.

Положение в народном хозяйстве внимательно отслеживалось сотрудниками советского посольства в Софии. Уже итоги

1959 г., как с тревогой отмечали дипломаты, свидетельствовали, что намеченная программа в целом оказалась нереальной, а по части сельского хозяйства — «явно надуманной». В направлявшихся в Москву аналитических материалах прямо констатировались провал «скачка» и его главная причина — «слабость в планировании». Не удалось решить основные проблемы сельского хозяйства — зерновую и животноводческую. Во второй половине 1960 г. темпы развития экономики пришлось снизить. Из посольства сообщили: лозунг «скачка» стал мало-помалу замалчиваться, а затем незаметно сошел на нет, сменившись нейтральной установкой на «ускоренное экономическое развитие страны»¹⁴.

Предпринятая зимой 1961 г. попытка несколько выправить ситуацию путем повышения закупочных цен на некоторую сельскохозяйственную продукцию повлекла за собой повышение розничных цен на отдельные виды мяса и мясных продуктов, крепкие алкогольные напитки и некоторые импортные товары. Рост цен, по сведениям, сообщенным из советского посольства в Москву, был в некоторых случаях весьма существенным. Так, например, цена 1 кг баранины увеличилась с 3 до 5 левов, мясных продуктов — с 2 до 14 левов, спиртных напитков — с 3 до 5 левов. Цена за 1 кг традиционной в болгарской национальной кухне сырокопченой колбасы «луканка» взлетела с 24–28 до 34–42 левов¹⁵. В результате в связи с нехваткой мяса, молока и других продуктов отмечалось сильное недовольство населения, резонно задававшегося вопросами о причинах дороговизны: «Почему допущен рост цен, если пятилетку выполнили досрочно», «Нам говорят об успехах социалистического строительства, а цены почему-то растут» и пр.¹⁶. Кстати недоумевали по этому поводу и иностранные дипломаты, работавшие в Софии, в частности, поляки и венгры¹⁷. Сотрудники посольства критически отмечали крайне слабую подготовку повышения цен («никакой разъяснительной работы»). По всей видимости, не удовлетворило и объяснение, полученное от зав. отделом партийных органов ЦК БКП Нади Живковой: «Решили, что в этом нет необходимости, так как повышение цен небольшое (?!), затрагивает ограниченный ассортимент товаров». Живкова привела цифру: от повышения цен предполагалось получить около 250 млн левов, или пример-

но по 30 левов с одного жителя. В итоге новые цены были установлены 1 марта 1961 г., а совещание в ЦК партии с участием руководителей округов «для информации» было созвано 3 марта, вдогонку за введением непопулярной меры¹⁸. Так что ни о какой предварительной разъяснительной работе не могло быть и речи. Резко критикуя такое упущение, советские наблюдатели не соглашались и с самим замыслом повышения цен: «увеличивать цены, особенно на мясо, не следовало». При годовом бюджете страны, равном 33 млрд левов, сумму в 250 млн можно было изыскать из других источников¹⁹.

Однако болгарское руководство необходимых уроков из тревожной ситуации, судя по всему, не извлекло. Свидетельство тому — очередное искушение новым «скачком». На сей раз — под влиянием принятой на XXII съезде КПСС (октябрь 1961 г.) новой партийной программы с задачей построения в Советском Союзе к 1980 г. коммунистического общества. Закрепив в своих установках перспективу интеграции и укрепления мировой социалистической системы в политической, экономической и культурной сферах, программа подчеркивала, что главным итогом такого курса станет всё большее сближение социалистических наций. Союзникам по восточному блоку было предложено следовать советскому примеру²⁰. Предпосылкой для одновременного перехода «братских стран» к коммунизму объявлялось выравнивание их экономического и культурного уровня. О такой необходимости было заявлено еще на предыдущем, XXI съезде КПСС²¹.

Болгарские «верхи», позиция которых сводилась к следованию блоковой дисциплине, поспешили на ноябрьском пленуме ЦК БКП 1961 г. заявить, что программа КПСС является также и программой БКП, «руководством к действию»²². После таких заявлений очередной «скачок», теперь уже почти прямо в коммунизм, был фактически неизбежен. Плановым органам было получено разработать проект рассчитанной на 20 лет перспективной программы экономического развития страны до 1980 г.

Одновременно разрабатывался также план четвертой пятилетки на 1961–1965 гг. К маю 1962 г. Государственная плановая комиссия подготовила уже пятый вариант директив, но план так и не был утвержден (в советском посольстве считали, что

«в нем не сходились концы с концами»: не были предусмотрены резервы для полного обеспечения населения продовольствием и промтоварами, а промышленности сырьем — металлом, хлопком, химикатами и пр. Ежегодная нехватка металла, например, определялась в 100 тыс. тонн²³). Сказывались серьезные, на уровне кризиса, экономические трудности в стране, которые на майском пленуме ЦК БКП 1962 г. Живков объяснил ошибками неправильной хозяйственной политики, допущенными до 1956 г., то есть при В. Червенкове (!). Соблазн списать провал «большого скачка» на прежнее руководство явился «эхом» новой волны десталинизации в Советском Союзе в 1961 г., одним из проявлений которой стало падение Г.М. Маленкова и критика его «нового курса», направленного на приоритетное развитие легкой промышленности и сельского хозяйства. (Червенков, как известно, этот курс воспринимал с готовностью и, как отмечается в историографии, реализуя его в собственной стране, намеревался стать «болгарским Маленковым»²⁴.)

На фоне очевидных издержек проводимого амбициозного курса было принято решение о начале эксперимента по введению «новой системы руководства и планирования народного хозяйства». Очевидным импульсом стал и на сей раз советский пример: после появления в сентябре 1962 г. в «Правде» статьи харьковского профессора Е.Г. Либермана «План. Прибыль. Премия», в которой предлагалось пересмотреть механизм хозрасчета, оставляя предприятию прибыль, в СССР развернулась экономическая дискуссия²⁵. Стимулом для нее явились поиски выхода из тяжелой экономической ситуации в стране, возникшей в результате череды проводившихся с конца 1950-х годов хрущёвских «реформ» и сопровождавшейся расстройством управления народным хозяйством и снижением темпов экономического роста²⁶.

В странах «социалистического лагеря», также взявших курс на реформирование, внимательно следили за ходом экономической дискуссии в СССР и начатых экспериментов в народном хозяйстве (на швейных фабриках в Москве и Горьком и на шахтах Западного угольного бассейна на Украине).

В Болгарии основной тон в экономическом эксперименте задавал сам Живков. К этому его подталкивал не только советский,

но и чехословацкий опыт, в частности, разработки чехословацкого экономиста Оты Шика, к которым болгарский руководитель проявлял немалый интерес. Политический советник Живкова Костадин Чакрыров вспоминал позднее, что от своего шефа он не раз слышал высокие оценки экономической программы и экспериментов в управлении народным хозяйством в Чехословакии, подготовленных Шиком. Единственным, что вызывало несогласие Живкова, был «преждевременный отказ от руководящей роли партии», о котором заявляли чехословацкие реформаторы²⁷.

С весны 1963 г. содержание национальной хозяйственной реформы неоднократно обсуждалось на заседаниях ЦК БКП²⁸. Реформа задумывалась и как тактика, и как стратегия. Постепенно определялись приоритетные «узлы» нового экономического механизма: ограничение административных методов руководства народным хозяйством, укрепление экономических рычагов, создание государственных хозяйственных объединений, обеспечение их финансовой независимости, сокращение числа спущенных из центра плановых показателей и пр.

Вскоре дело перешло в практическую плоскость: при Совете министров НРБ была создана специальная комиссия по внедрению новой системы, болгарские специалисты постоянно выезжали в Великобританию, Францию, Бельгию, ФРГ для изучения организации и функционирования трестов²⁹. Несмотря на возникшее в руководящих структурах противостояние «рыночников» и «централистов», к началу 1967 г. при поддержке Живкова новая система охватывала уже $\frac{2}{3}$ промышленных предприятий страны.

В советском посольстве в Софии в это время основное внимание направлено на анализ экономических планов. Внимательно изучается положение в народном хозяйстве, выполнение принятых ранее экономических решений, настроения населения. В справке за подписью посла Г.А. Денисова об экономике в годы четвертой пятилетки (1961–1965 гг.) четко констатируется, что болгарская сторона рассчитывает на долгосрочные кредиты СССР и других соцстран, которые уже обеспечены заключенными соглашениями на сумму 470 млн валютных левов. («Не исключено, что Болгария попросит новые кредиты и отсрочку

в погашении уже предоставленных».) Авторы справки предлагали рекомендовать болгарскому руководству еще раз просмотреть список объектов капитального строительства, сосредоточившись на пусковых объектах, сократить объем капитальных затрат, сделать в машиностроении упор на внутренних потребностях страны, производя неметаллоемкое оборудование, отказаться от нерентабельного экспорта (в частности, тракторов) и пр.³⁰. Часть экономических выкладок, приведенных в справке посла, будет включена и в материалы с анализом проекта вышеназванной программы на 1961–1980 гг. После тщательного изучения этого документа в Москву на имя министра иностранных дел СССР А.А. Громыко было направлено подробное заключение с серьезной критикой³¹.

В заключении, помимо прочего, были поставлены и такие принципиальные вопросы, как нецелесообразность развития в Болгарии машиностроения «такими темпами и в таком объеме и номенклатуре, как в проекте», необходимость корректировки роста объемов отдельных видов производства в соответствии с потребностями страны, выбор «экономически правильного направления» в развитии народного хозяйства и установление «правильных пропорций», и др. Подчеркивались сложности обеспечения болгарской промышленности сырьем, трудности сбыта готовой продукции из-за ее низкого качества и неконкурентоспособности, отсутствие необходимого опыта и собственных квалифицированных кадров. Советские специалисты, анализируя состояние и долгосрочные перспективы советско-болгарского экономического сотрудничества, заостряли в то время внимание на необходимости координации промышленного производства в рамках СЭВ, ставили вопрос о назревшем переходе к сотрудничеству с социалистическими странами «на взаимной основе», то есть с предоставлением ими Советскому Союзу товарных и иных кредитов. Среди претензий к болгарской стороне указывалось на ее «слабое реагирование» на рекомендации по части промышленной специализации, желание производить максимально широкий ассортимент продукции, низкое качество товаров и сельскохозяйственной продукции, поставляемой в соцстраны, в том числе в СССР (по признанию самих болгар, многие по-

лагали, что Советскому Союзу — «большому дружественному государству» — можно поставлять товары и сельхозпродукты в большом количестве и любого качества, что емкий советский рынок всё «перемелет»), систематическое сокращение посевных площадей под пшеницу в расчете на решение зерновой проблемы за счет СССР и пр.³².

Проект программы после доработки был в июле 1962 г. рассмотрен болгарскими и советскими экспертами. Итоги его обсуждения с советской стороной отражены в записи беседы советника по экономическим вопросам посольства СССР А.Г. Гусева с руководителем болгарской экспертной группы, заместителем председателя Совета министров Ст. Тодоровым 8 сентября 1962 г.

Тодоров констатировал, что консультации прошли успешно, все основные вопросы были согласованы. Советская сторона дала принципиальный «совет» усилить развитие группы «Б» (производство средств потребления) и сельского хозяйства, т.е. фактически не рубить с плеча, не отбрасывать прежние установки «нового курса» (хотя прямо о нем не говорилось). Были определены профилирующие отрасли производства для Болгарии в рамках международного социалистического разделения труда: пищевая промышленность; цветная металлургия; некоторые отрасли машиностроения (электротехническая и радиоэлектронная, приборостроение; производство некоторых видов тракторов и сельскохозяйственных машин; оборудование для пищевой промышленности); производство фруктов, овощей; виноградарство. Было признано нецелесообразным производство в Болгарии маневровых тепловозов, бульдозеров, экскаваторов, скреперов, гидравлических турбин, оборудования для нефтеперерабатывающей и цементной промышленности, часов и фотоаппаратов (последние из-за невысокого качества).

Перспективы развития металлургии были сформулированы очень аккуратно и ограничены некоторым расширением завода имени Ленина в г. Пернике и строительством 1-й очереди Кремиковского комбината. Вопрос о мощности 2-й очереди был отложен до представления технико-экономического доклада с необходимыми обоснованиями. Согласованы были и поставки некоторых видов сырья из СССР для нужд цветной металлургии

в 1970 и 1980 гг.: соответственно (в тыс. тонн) алюминия — 25 и 50–70; никеля — 0,95 и 1,3. В поставках олова было отказано, поскольку Советский Союз сам импортировал это сырье. Кроме того, советские эксперты поставили вопрос о встречных поставках из Болгарии в СССР меди³³.

Следующим этапом явились рассмотрение проекта в августе 1962 г. в Государственном научно-экономическом совете при Совете министров СССР (председатель Совета А.Ф. Засядько дал ему высокую оценку) и консультации с плановыми органами других социалистических стран. (Материалами об этих консультациях автор не располагает.) Окончательный вариант получил одобрение Политбюро ЦК БКП, а затем и VIII съезда БКП (ноябрь 1962 г.)³⁴.

Такой многоступенчатый путь подготовки перспективной программы развития, по всей вероятности, во многом объяснялся особенностями планирования болгарской экономики. Из документов АВП РФ видно, что советские наблюдатели, хорошо знакомые с состоянием народного хозяйства, время от времени пытались «придерживать» болгар. Как отмечал в обзоре экономического положения Болгарии за 1962 год А.Г. Гусев, болгарская сторона часто намечает «непосильный объем строительства, рассчитывая, как правило, на помощь Советского Союза», и на предварительной стадии рассмотрения просьб «мы всегда... стремимся сдерживать друзей... Однако болгарские товарищи нередко решение этих вопросов переносят в вышестоящие советские организации»³⁵.

Показательно, что чрезмерную увлеченность болгар «головокружительными и фантастическими задачами», «самодовольство и неудержимое стремление вперед» при игнорировании неизбежных трудностей и недостатков констатировали и сторонние наблюдатели. В частности, на это неоднократно обращал внимание советского посла Г.А. Денисова зимой 1962 г. посол Чехословакии в Софии И. Веселы³⁶.

Ориентированная на «завершение строительства социализма и начало постепенного перехода к коммунизму» программа определяла генеральный курс на осуществление масштабной индустриализации в целях преодоления полуремесленного ха-

рактера перерабатывающей промышленности и создания крупных производственных мощностей. Рисуя в воображении новый промышленный пейзаж страны, Живков мечтал, что в ней «не останется ни одного населенного пункта, где бы не было фабричной трубы»³⁷. Главным итогом должно было стать формирование в Болгарии к 1980 г., в соответствии с партийно-пропагандистским лексиконом того времени, «общества благоденствия», «общества изобилия» или «коммунистического общества».

Несмотря на корректировку первоначальных показателей, закрепленные в программе цифры отразили амбициозность поставленных болгарскими властями задач. Предусматривался рост промышленной продукции в 6,5–7 раз, сельскохозяйственной — в 2,5 раза, машиностроения — в 16–17 раз, химической — в 25 раз. Национальный доход должен был увеличиться в 4,5–5 раз³⁸. Вопрос заключался в том, как реализовать задуманное.

Критические наблюдения советских экономистов, работавших в Софии, к сожалению, быстро подтвердились: реальность шла вразрез с оптимистическими выкладками партийного съезда. К тому же, хотя, как говорилось выше, риторикой «большого скачка» предпочитали уже не пользоваться, следовало всё же предъявить обществу его итоги, конечно, без былой помпы. Благодаря «манипуляциям с показателями», он был признан состоявшимся³⁹. А экономическая ситуация была далека от обещанного благополучия: население испытывало нехватку традиционных в рационе болгарина продуктов — мяса, масла, молока, яиц, брынзы, капусты, картофеля, перца. Была введена нормированная продажа картофеля, яиц, масла (на периферии это было сделано раньше, чем в столице). Из свободной продажи исчезли рис и фасоль (их продавали по спискам). Ввозили из СССР (!) и также продавали по спискам лук. Реальная заработная плата рабочих и служащих снизилась, ее и пенсий номинальное повышение (примерно на 2,2%) не компенсировало значительный рост цен на продукты (в среднем на 24 % на мясо, на 25,4% на мясные изделия, на 27% на птицу, на масло и молочные продукты на 32%, на яйца на 11,5%)⁴⁰. Как говорится, не от хорошей жизни в феврале 1963 г. в стране был введен режим строжайшей экономии и борьбы с разбазариванием средств во всех звеньях

государственного и партийного аппарата, решено было сократить объем капитальных затрат, в частности в тяжелой промышленности, повысить цены на большую группу продовольственных и промышленных товаров и некоторые виды тарифов и услуг. Понятно, что непопулярные меры вызывали закономерное недовольство населения и массу вопросов. Констатируя этот факт, из советского посольства сообщили, что первый заместитель председателя Совета министров Живко Живков охарактеризовал эти действия властей как «маленький шаг назад», который пришлось сделать⁴¹.

Этот шаг, думается, был не таким уж маленьким, но, главное, оказался не единственным. В Москву поступила информация о результатах новой экспертизы болгарских экономистов, проведенной в том же 1963 г., согласно которой при ограниченных природных ресурсах и быстро растущей валютной задолженности Болгарии Западу (с 20,8 млн долларов в начале 1958 г. до 120 млн в январе 1960 г.) выдержать предложенные темпы будет невозможно⁴². Предстояло искать выход, подключать разные средства и методы.

В условиях государственного социализма большое значение получал «коммунистический» подход: дисциплина, точное выполнение распоряжений «сверху», трудовой энтузиазм во имя будущего, даже в ущерб сегодняшнему бытию труженика, использование преимущественно моральных стимулов труда и пр. Всячески приветствовалась и популяризировалась аскетичная социалистическая трудовая этика: примером стала передовая советская прядильщица Валентина Гаганова, перешедшая в отстающую бригаду и, естественно, потерявшая в заработке, но пожелавшая своим почином приблизить коммунистическое будущее⁴³. Однако действия властей в этом направлении не могли дать нужного, а главное долгосрочного, эффекта. Следовало включать на полную мощность экономические рычаги. Одним из важнейших являлся СЭВ.

Ситуация в Совете складывалась непростая. Его работа не удовлетворяла советское руководство, по инициативе которого были предприняты серьезные изменения, направленные на экономическую интеграцию социалистических стран. В июне

1962 г. была разработана Долгосрочная программа расширения и укрепления экономического и научно-технического сотрудничества стран-членов СЭВ с перспективой создания единого коммунистического хозяйства. Спустя год, в июле 1963 г., было решено создать Международный банк экономического сотрудничества, введя для международных расчетов так называемый переводной рубль⁴⁴. Одновременно, форсируя экономическую интеграцию, советская сторона настаивала на создании в рамках СЭВ единого планового органа, что вызвало негативную реакцию румын. В начале 1963 г. впервые выразили недовольство направлениями специализации и кооперирования производства в рамках СЭВ и болгары. На заседании Политбюро ЦК БКП 3 января 1963 г. констатировалось, что решения СЭВ, предложенные Болгарии, «не обеспечивают достаточных условий для ускоренного развития машиностроения в НРБ на 1961–1980 гг.»⁴⁵. С большим недовольством было встречено и решение СЭВ производить торговые операции по ценам, сообразованным с мировыми: под удар попала экспортируемая сельскохозяйственная продукция. Поворотным моментом, отразившим кризисное состояние реализуемой в рамках СЭВ стратегии интеграции, явилась майская сессия Совета 1963 г., на которой впервые румынские представители резко заявили о несогласии с советской позицией. Болгарским представителям к тому времени удалось добиться некоторых послаблений со стороны участников СЭВ в вопросе специализации Болгарии в сфере машиностроения. Разосланный всем странам-участницам специальный документ «О развитии машиностроения НРБ» с требованием предоставить Болгарии право специализироваться в конкретных отраслях производства был рассмотрен на майской сессии СЭВ в Варшаве и утвержден⁴⁶. За Болгарией был закреплен достаточно широкий отраслевой диапазон производства: электротехническая промышленность; подъемно-транспортное оборудование (особую популярность приобрели болгарские электрокары и электротельферы); радиоэлектронная промышленность; сельхозтехника; автомобильные узлы и детали; текстильное оборудование; технологические линии и оборудование для пищевкусовой промышленности и холодильной техники; кораблестроение; гидравлические приборы.

Предполагалось, что путем развития машиностроения удастся решить и острую проблему ликвидации безработицы в стране и обеспечить занятость молодежи.

Однако, как оказалось, это не сняло трудности в реализации намеченного болгарским руководством курса на превращение машиностроения в структурообразующую отрасль болгарской экономики с акцентом на высокий уровень автоматизации, специализации, типизации и серийности производства во всех сферах народного хозяйства. Интересы Болгарии сталкивались с интересами высокоразвитых Чехословакии и ГДР, не стремившихся во имя «социалистического интернационализма» идти навстречу претензиям болгар на закрепление своей «ниши» в машиностроении, включая и наиболее болезненную проблему реализации готовой продукции. Забегая вперед, отмечу, что лишь некоторые из вышеперечисленных отраслей производства — электрокары, электронно-вычислительная техника, кораблестроение — стали позднее, в 1970–1980-е годы, основой для новой стратегии ускорения и модернизации, отвечавшей современному уровню развития науки и техники⁴⁷. Однако нельзя игнорировать вклад и других отраслей в ускоренную модернизацию Болгарии по советской модели, пришедшую на 1960–1970-е годы.

В июле 1963 г. болгарская сторона предприняла очередную попытку привлечь внимание партнеров по «социалистическому лагерю» к собственным экономическим проблемам, ратуя за «самое тесное сотрудничество» в рамках СЭВ. Но ни московская встреча на высшем уровне стран-членов СЭВ, ни заседание Политического консультативного комитета Организации Варшавского Договора успеха не принесли. Дальше заверений в «готовности содействовать» болгарам дело не пошло: преодоление отставания болгарской экономики на пути координации народнохозяйственных планов не вдохновляло партнеров, каждая страна-участница СЭВ пеклась, в первую очередь, о собственных интересах. Болгария в их глазах оставалась сельскохозяйственной страной, и именно с этой отраслью экономики члены СЭВ связывали свои представления о специализации балканской страны. Стало ясно, что болгарской стороне следовало искать нестандартное, альтернативное решение экономических проблем.

Следует отметить, что именно в сложившейся к середине 1963 г. обстановке в СЭВ берут свое начало истоки двух формирующихся различных стратегических линий поведения *балканских соседей* (здесь и далее курсив мой. — Т. В.) — Румынии и Болгарии. «Особая» позиция румынского руководства известна: недовольное отведенной стране ролью аграрно-сырьевого придатка более развитых социалистических стран, оно избрало путь экономической автаркии и обеспечения поступательного развития страны как собственными силами, так и с помощью новых партнеров за пределами «социалистического лагеря». Внешняя политика страны ориентируется на постепенное дистанцирование от Советского Союза. Корректирует свою позицию и болгарское руководство, причем, на мой взгляд, ее также уместно характеризовать как «особую»: взят курс на установление *особо* близких отношений с Советским Союзом и превращение Болгарии в *особого* партнера СССР. На спешно созванном пленуме ЦК БКП 31 июля 1963 г. Живков неожиданно для всех предложил поставить вопрос перед ЦК КПСС и советским правительством о «необходимости создания всё более тесной связи между советской и нашей экономикой и в перспективе — их слияния. А в дальнейшем и *политического* слияния»⁴⁸.

Но это предложение не было спонтанным. Будучи до пленума в Москве на вышеназванных заседаниях, Живков «со товарищи» (Б. Велчевым, Ст. Тодоровым) обсудили этот вопрос дважды — сначала на встрече Живкова с Хрущёвым, а затем всей делегации с членами Президиума ЦК КПСС. Хрущёв, похоже, сразу раскусил прагматический подход болгар, упрекнув их в шутиливой форме, что они хотят «придти к нам», чтобы потреблять по 45 кг мяса, которые приходится в Советском Союзе на душу населения (в Болгарии тогда эта цифра равнялась 30 кг). Но в целом позиция советской стороны, по оценке Живкова, была вполне благосклонной⁴⁹. Как уточняют болгарские авторы Л. Стоянов и Ж. Лефтеров, встречное предложение Хрущёва заключалось в том, чтобы подработать вопрос и придать ему официальный характер⁵⁰.

Пожелание советского руководителя стало императивом. В декабре 1963 г. на пленуме ЦК БКП официально был постав-

лен вопрос о превращении Болгарии в «16-ую республику» Советского Союза, который сегодня в историографии остается дискуссионным⁵¹. В наши дни введение в научный оборот новых архивных документов, плюрализм интерпретаций исторических фактов соседствуют с откровенной политизацией и стремлением к сенсации⁵². Это, главным образом, и порождает многочисленные, разнообразные и часто разнонаправленные трактовки и мифы, связанные с идеей «сближения и объединения». Сохраняемые в фонде референтуры материалы АВП РФ подробно обрисовывают позицию сторон (особенно ее экономической аспект) и представлены в отечественной историографии⁵³.

Уход Хрущёва с политической сцены в октябре 1964 г. осложнил обстановку, однако, не означал заката указанной идеи. Главной целью болгарского руководства становится обеспечение преемственности прежнего стратегического курса, что на практике означало спешное налаживание доверительных отношений с новыми советскими руководителями и, прежде всего, с Л.И. Брежневым. Задача была непростой, поскольку преемники Хрущёва в Москве поначалу не спешили сокращать дистанцию между собой и болгарским «протеже» опального руководителя, присматривались к нему. Живков, в отличие от некоторых лидеров социалистических стран, не стал клеймить Хрущёва, видимо памятуя о своих недавних высоких оценках его как «делового и практичного»⁵⁴. Возможно, не забылись и неоднократные обращения Живкова к советскому лидеру по самым разным вопросам. Ведь еще в начале 1960-х годов лично Никита Сергеевич помог погасить большую задолженность Болгарии в торговле с капиталистическими странами, когда болгары, по словам Живкова в беседе с послом Г.А. Денисовым 2 декабря 1961 г., «несколько увлеклись... и залезли в долги»⁵⁵. Вместе с тем Живков, как указывалось в материалах советского посольства в Софии, постоянно подчеркивал преимущества нового, брежневского, стиля руководства: «деловитость и уверенность», «точность и взвешенность формулировок», «вдумчивость», «отсутствие излишне шумных, громких эпитетов и внешних эффектов, ...свойственных докладам и выступлениям Н.С. Хрущёва», стремление «на научной основе и без поспешностей» решать внутренние проблемы «ком-

мунистического строительства в СССР» и т.п.⁵⁶. Завидное умение Живкова тонко чувствовать ситуацию, определявшееся современниками как «особый, редкий нюх» болгарского руководителя⁵⁷, способствовало успеху. В целом можно сказать, что к концу 1965 г. ему удалось «разрулить» обстановку⁵⁸, завоевать доверие Брежнева, а впоследствии и создать с ним доверительные и дружеские отношения («в разговорах тов. Л.И. Брежнев всегда бывает сердечным, откровенным...»⁵⁹). Выступая на пленуме ЦК БКП 1 ноября 1965 г. по итогам визита болгарской партийно-правительственной делегации в Москву, Живков поделился радостной вестью: Брежнев не только поддерживает курс на сближение, но и считает его «генеральной линией сотрудничества» между двумя странами⁶⁰. С подъемом говорил Живков об этом и новому советскому послу Н.Н. Органову⁶¹.

Материалы этого и более позднего времени, отраженные в документах АВП РФ, прорисовывают дальнейшую судьбу идеи сближения. Она поддерживается обеими сторонами, хотя, судя по документам, более активны болгары, которые постоянно используют ее при решении многообразных экономических задач, требовавших помощи и содействия советской стороны. Вместе с тем, в дальнейшей проработке вопроса о конкретных формах и путях сближения экономик не было сделано никаких принципиально новых шагов. Болгары неоднократно заявляли о желательности расширения кооперации и специализации, советская сторона, в свою очередь, как указывалось в одной из справок V ЕО МИД СССР от 22 октября 1966 г., «с конкретными предложениями о путях дальнейшего сближения экономик практически не выступала». По разным поводам стороны не раз констатировали необходимость вводить «новые, более высокие формы» сотрудничества в виде «прямых связей» между местными партийными и государственными органами и общественными организациями при участии сотен тысяч граждан. Болгарская сторона при этом формулировала свою позицию острее, полагая, что пришло время для превращения национальных предприятий в «филиалы» советских.

Весной 1967 г. развернулась подготовка нового Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и НРБ

(подписан 12 мая). Уже на стадии согласования проекта выявилось намерение болгарской стороны максимально закрепить в документе идею «самого тесного сближения в политической, экономической и военной областях». Показательно, что болгарская сторона предлагала отказаться от формулировки о взаимовыгодной основе двустороннего сотрудничества, мотивировав этот шаг малой выгодой для Советского Союза от сотрудничества с Болгарией и невозможностью оказания СССР реальной помощи со стороны партнера. Кроме того, что было принципиально важным для болгар, наличие такой формулировки в тексте договора лишало их возможности «освободиться от нее и в последующих договорах с Венгрией, Чехословакией, Польшей». Иными словами, речь шла о попытке создать в двусторонних отношениях с партнерами в рамках СЭВ особого режима благоприятствования для Болгарии. Однако руководитель советской делегации на переговорах Л.Ф. Ильичёв был непреклонен: хотя «формулировка о принципе взаимности, может быть, и не будет отражать истинного положения дел в буквальном смысле слова, заявил он, но она соответствует характеру наших двусторонних отношений и смыслу социалистического интернационализма»⁶². В результате положение о «взаимовыгодном экономическом и научно-техническом сотрудничестве на двусторонней и многосторонней основе» вошло в статью 2 договора⁶³. По просьбе болгар в статью 3 было добавлено положение о дальнейшем сближении культур обеих стран; в статье 6 предлагавшаяся советская формулировка о незыблемости границ в послевоенной Европе была заменена более гибкой — о противодействии угрозе насильственного изменения границ и готовности Болгарии совместно с другими государствами — участниками Варшавского договора «обеспечивать неприкосновенность» рубежей восточного пакта. Также по просьбе болгарской стороны в статью 7 было включено принципиальное положение, по которому вооруженное нападение на одну из договаривающихся сторон будет рассматриваться другой стороной «как нападение и на нее»⁶⁴. В АВП РФ автору удалось ознакомиться с некоторыми материалами, отражающими обсуждение сторонами, в том числе и на высшем уровне, военного аспекта сближения⁶⁵.

Обращает на себя внимание нарастание в это время критических оценок отдельных сторон экономического сотрудничества в аналитических материалах советского посольства в Софии. Прежде всего в них указывалось на нежелание болгар учитывать возможности «старшего брата», стремление руководствоваться только собственными нуждами и интересами⁶⁶. Отмечалась, в частности, практика строительства промышленных предприятий с расчетом на реализацию их продукции в СССР без предварительного согласования с советской стороной, что создавало проблему «гарантированного сбыта»⁶⁷. Не случайно в указаниях послу А.М. Пузанову (в апреле 1967 г. он сменил на этом посту Н.Н. Органова), после ознакомления руководства V ЕО с его политписьмом от 21 июля 1967 г. о перспективах развития взаимоотношений между СССР и НРБ, прямо формулировалась задача — при изучении практических предложений болгар по линии экономического сотрудничества «учитывать действительные потребности Болгарии и реальные возможности СССР»⁶⁸.

За этим указанием стояла уже отмечавшаяся дипломатами сложившаяся практика. Болгарские «друзья» с завидным постоянством обращались в Москву с просьбами увеличить поставки многих видов промышленного сырья, фактически нарушая долгосрочные соглашения⁶⁹. В наиболее трудные моменты болгары поднимали вопрос об оказании срочной экономической помощи. Советская сторона нередко была вынуждена отказывать или удовлетворять поступавшие запросы частично. Тогда следовали повторные обращения, в том числе и на самом высоком уровне, и, как правило, болгары добивались успеха⁷⁰. Аналитики V ЕО МИД СССР констатировали, что подобная тактика «в известной мере осложняет взаимоотношения между нашими странами»⁷¹.

Ближе к концу 1960-х годов стало очевидно, что серьезно тормозившая деятельность СЭВ проблема выравнивания уровней экономического развития стран-участниц превратилась в «ахиллесову пяту» сотрудничества, что, не догнав своих партнеров, Болгария не сможет осуществить подлинную экономическую интеграцию с СССР и другими социалистическими странами⁷². А между тем многие авторитетные болгарские экономисты, как показала научная дискуссия, проведенная еще в октябре 1965 г.

Комиссией по экономическому и научно-техническому сотрудничеству при Совете министров Болгарии и Институтом экономики БАН, скептически оценивали перспективу «постепенного подтягивания НРБ к уровню наиболее развитых братских стран»⁷³. С учетом этой констатации становится понятной отмеченная в материалах советского посольства за апрель–ноябрь 1966 г. тенденция, сформулированная болгарскими экономистами и некоторыми членами аппарата ЦК БКП, — сделать ставку на внешний фактор для повышения экономического уровня менее развитых соцстран. Такой подход предполагал «превращение сырья и природных богатств в общее достояние всех стран», «свободное применение финансовых средств и рабочей силы одной страны в других» и пр.⁷⁴. Понятно, что ожидать согласия на это со стороны более развитых стран «социалистического лагеря» — Чехословакии, ГДР, Польши — было делом весьма проблематичным.

В связи с оценками экономического уровня Болгарии из поля зрения советских наблюдателей не выходил и вопрос об оказании финансовой и прочей помощи Советским Союзом. О ее масштабах в 60-е годы говорят отдельные сведения, рассыпанные по страницам архивных дел, позволяя скорректировать встречающиеся сегодня в СМИ утверждения о том, что советская сторона якобы нещадно эксплуатировала и выкачивала природные ресурсы малой «братской» Болгарии, покупала за бесценку сельхозпродукты и пр. Возможно, в какой-то степени подобные констатации являются отголосками былых устойчивых представлений болгар о том, что «всё, что делается в Болгарии, делается с согласия Советского Союза», что, следовательно, ответственность за любые, самые непопулярные мероприятия или трудности в экономике несет Москва. Такие оценки со стороны болгарского населения отмечались сотрудниками посольства, например, в августе 1968 г.⁷⁵.

Обратимся к политписьму советского посла Н.Н. Органова «О состоянии и дальнейшем развитии советско-болгарских отношений» от 19 марта 1966 г. Начиная с 1948 г., отметил дипломат, на основе 14 подписанных соглашений и протоколов СССР оказывает содействие в строительстве 157 промышленных предприятий и других объектов, из которых 99 уже введены в эксплу-

атацию полностью или частично. Общий объем кредитов превысил 1,5 млрд руб. За их счет обеспечено 25% капиталовложений, освоенных в стране за последние 19 лет (т.е. с 1956 г. — *Т.В.*). На осуществление нового пятилетнего плана (1966–1970 гг.) предоставлен кредит более 500 млн руб.⁷⁶. (В том же 1966 г. советские аналитики ожидали обращения болгар за новым кредитом в 150 млн руб. для завершения строительства металлургического комбината в Кремиковцах и других объектов⁷⁷.) По оценке советских наблюдателей в стране, именно благодаря иностранным кредитам Болгария покрывала разницу между распределенным и произведенным национальными доходами (только в 1968 г. эта разница составила 528 млн левов, а к 1970 г. превышение, как ожидалось, должно было составить примерно 1 млрд 298 млн левов) и «жила не по средствам»⁷⁸.

Следует отметить, что при анализе экономической обстановки в Болгарии и ее динамики сотрудники аппарата экономического советника ясно представляли себе, с какими трудностями при решении задачи ускоренного развития страны сталкивались «друзья». Главная заключалась в отсутствии необходимых природных, материальных, финансовых и людских ресурсов. Тем большее значение приобретал при этом субъективный фактор. Поэтому не случайны отраженные в материалах АВП РФ оценки деятельности партийно-государственного руководства, «механизма» принятия им решений и пр.

В марте 1969 г. министр иностранных дел СССР А.А. Громыко и зав. Отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран К.В. Русаков подготовили записку в ЦК КПСС «О некоторых моментах нынешнего внутривластного и экономического положения Болгарии»⁷⁹. Основой послужили, главным образом, материалы советского посольства в Софии, вызвавшие у авторов документа «определенную озабоченность». В первую очередь, речь шла о наличии крупных недостатков и «провалов» в руководстве народным хозяйством и особенно — о сложившейся практике рассмотрения экономических вопросов в Политбюро ЦК БКП. Единогласное принятие решений, отмечалось в записке, отнюдь не означало единой точки зрения по обсуждавшимся вопросам. Новые проек-

ты и предложения по вопросам внутреннего развития оформляются в виде записок Т. Живкова в Политбюро. Преподносимые как «новый творческий вклад», они принимаются, как правило, без всестороннего и глубокого рассмотрения. Большинство новых проектов реформ и реорганизаций в сфере экономики готовятся узкой группой лиц, многие из которых, считали авторы, находятся под влиянием югославских и чехословацких концепций. Так, разработку и внедрение «новой системы руководства и планирования народного хозяйства» осуществляла специальная комиссия во главе с Гришей (Георгием) Филиповым — единственным экономистом в ближайшем окружении Живкова, которому тот безоговорочно доверял. По сведениям советского посольства, полученным от «болгарских товарищей», Филипов был сторонником югославских преобразований в народном хозяйстве и считался «болгарским Отой Шиком»⁸⁰. После упразднения комиссии в декабре 1968 г. Филипов стал первым заместителем председателя Государственного планового комитета, хотя четыре года экспериментов в болгарской экономике не дали ожидаемых результатов. Более того, сама «новая система» всё время меняется, дополняется не проверенными на практике и подчас необоснованными положениями.

Реальная экономическая ситуация вызвала к жизни разногласия и рост критических настроений в болгарских «верхах». «Сейчас, как никогда ранее, — указывалось в записке, — ряд членов и кандидатов в члены ЦК БКП, ответственных работников аппарата ЦК БКП в беседах с сотрудниками совпосольства по своей инициативе высказывают недовольство внутренним положением в Болгарии, допускают серьезные критические замечания в адрес тов. Т. Живкова за увлечения различного рода перестройками и реформами, проводимыми подчас поспешно и без достаточного обоснования; за единоличный подбор и расстановку руководящих кадров партийного и государственного аппарата; за грубые просчеты в руководстве экономикой страны; за предоставление особых прав некоторым хозяйственным объединениям в вопросах внешнеторговой деятельности, в результате чего они фактически оставались вне контроля М[инистерства] в[нешней] т[орговли], и т.д.). Слухи и догадки о возможных назначениях

и перемещениях не способствуют здоровой обстановке среди партактива. Характерный момент: составители записки подметили, что структурные перестановки проводятся после визитов или встреч с советским руководством, вследствие чего партийно-государственный актив воспринимает ротацию кадров как результат обсуждения и согласования с ЦК КПСС.

Некоторые положения записки получили развитие в подготовленных в апреле — мае 1969 г. (по всей вероятности, в V ЕО МИД СССР) материалах по вопросам внутривластного и экономического положения в Болгарии с характерным подзаголовком «К беседам с болгарскими руководителями»⁸¹.

В экономическом разделе документа четко констатировался «волонтаристский подход» болгарского руководства к развитию народного хозяйства, выражающийся в принятии поспешных решений, без учета реальных экономических возможностей, особенно в части, касающейся жизненного уровня населения. Экономические проблемы накапливаются, диктуя необходимость в помощи извне. Стремление «друзей» решать свои экономические задачи за счет Советского Союза «нередко ставит нас в затруднительное положение», подчеркнули авторы. Многочисленные просьбы о помощи касаются частных вопросов без предварительного комплексного рассмотрения. Итог такого подхода неутешителен: эффективность советской помощи снижается, а у болгар возникают настроения иждивенчества и самоуспокоенности⁸². Позднее министр химической и металлургической промышленности НРБ Георгий Павлов в беседе с послом А.М. Пузановым 6 октября 1969 г. откровенничал: «... У нас некоторые говорят — надо сделать так, чтобы положение в стране в экономическом и политическом отношении было хуже, тогда СССР будет давать больше». Реакция посла была резкой: подобные взгляды он назвал антипартийными и идущими вразрез с интересами Болгарии⁸³.

Досталось в указанных материалах V ЕО и советской стороне — за недостаточно критический анализ болгарских обращений о помощи, оценок эффективности и целесообразности строительства в стране тех или иных предприятий. Такие недоработки способствовали широкому распространению среди населения

мнения (замечу — небезосновательному), что Советский Союз помогает Болгарии, руководствуясь собственными интересами, а именно делает ставку на Болгарию в своей политике на Балканах. Подтекст подобных рассуждений был понятен: очевидная заинтересованность Москвы в «младшем брате» гарантирует рост объема экономической помощи. О том, чего стоило такое напряжение «старшему брату», не думали.

Более того, состояние экономики, сопровождавшееся уже привычными «жалобами» болгарского руководства на трудности и такими же привычными просьбами о помощи, вызвало к жизни еще одну «инициативу» Софии. В последующем она получила широкое распространение, а в рассматриваемое в очерке время было отмечено советскими наблюдателями в апреле 1969 г. (Оговорюсь, что речь идет лишь о доступных мне документах.) 21 апреля Пузанов на очередной встрече с Павловым ясно дал понять собеседнику, что проинформирован о продаже и поставке его министерством в ноябре-декабре 1968 г. в Австрию 280 тыс. тонн советской нефти, полученной для нужд болгарского народного хозяйства. Павлов сообщил, что правительство «строго указало» ему на недопустимость подобных действий⁸⁴. Пузанов от комментариев воздержался, но вряд ли он не понимал, что решение о реэкспорте советской нефти принималось не на уровне министерства, а несколько выше. Бразды правления находились в руках Живкова, совмещавшего в то время высшие партийный и государственный посты. Констатируя сложную обстановку в руководстве БКП, авторы материалов отметили проявляющееся в последнее время «стремление к дальнейшему укреплению личной власти со стороны Т. Живкова» и прогнозировали, что его политические оппоненты при первом удобном случае могут быть выведены из руководства. Усилятся позиции его ближайшего окружения, в действиях которого проявляются «признаки национализма» и стремление противопоставить национальные интересы Болгарии общим интересам соцстран, и даже в известной мере дистанцироваться от КПСС и СССР.

Прогнозы советских дипломатов касательно режима личной власти Тодора Живкова начали сбываться в канун и после чехословацких событий 1968 г. «Пражская весна» определила выбор

болгарского лидера в пользу безоговорочной поддержки Советского Союза, намерение жить «по московскому времени», обеспечивая своей позицией модернизационный прорыв Болгарии. С учетом этого становилась ясной и судьба болгарских реформ, учитывавших, как говорилось выше, опыт Белграда и Праги. «Рыночные» тенденции уступали место следованию советской модели, расчетам на ее постоянную и масштабную помощь.

Однако такая ориентация разделялась далеко не всем обществом. В донесениях посольства чаще фиксируются критические оценки болгарами советской помощи, качества советских товаров, уступающих западным образцам — американским, итальянским, английским, голландским, западногерманским⁸⁵ (справедливости ради следует отметить, что о низком качестве некоторых видов ввозимой в Болгарию из СССР продукции сообщали в Москву и сотрудники посольства⁸⁶), «отсталой» советской науки и техники, якобы неравноправного сотрудничества: Советский Союз «грабит» Болгарию, болгарский ширпотреб идет в СССР, а самим болгарам не хватает и пр. На волне критических настроений постепенно оформлялось представление о бóльшей пользе для Болгарии проведения самостоятельного курса, наличия «независимой» экономики⁸⁷. Сотрудники советского посольства подчеркивали усиление в стране западной пропаганды и в связи с этим отмечали более активное восприятие лозунгов «самостоятельности», «независимости», «мирного» отхода Болгарии от тесного сотрудничества с СССР интеллигенцией и молодежью. Они в большей степени и охотнее, как считали советские наблюдатели, проникались идеями развития страны «по своему пути», проявляли интерес к «различным моделям социализма», в том числе к югославскому и румынскому вариантам⁸⁸.

Возможно, подобные явления стимулировали работу посольства по формулированию дополнительных весомых аргументов, раскрывающих масштабы советской помощи, ее реальный, а не воображаемый характер. Так, в упоминавшемся выше политписье А.М. Пузанова от 15 августа 1969 г. со ссылкой на *болгарские данные* указывалось: советские кредиты достигли 1,8 млрд руб. Предприятия, построенные с советской помощью, дают 100% продукции черной металлургии, 75% — цветной,

60% — химической промышленности, 75% — производства электроэнергии⁸⁹.

Не менее четко представляли себе советские аналитики и долгосрочную перспективу двусторонних отношений: «*Мы будем вынуждены в течение длительного времени поставлять ряд дефицитного сырья (металлургия, нефтехимия и др.)*», — указывалось в материалах V Европейского отдела⁹⁰.

И еще один важный вывод: «*Необходимо иметь в виду, что в конечном счете, а это отмечают и болгарские руководители, за все ошибки и просчеты в народном хозяйстве НРБ в значительной степени приходится расплачиваться Советскому Союзу*»⁹¹.

Приведенные в статье документы АВП РФ лишь частично отражают интенсивную работу аппарата экономического советника посольства СССР, но и они убедительно отражают ее сложность. Представляется, что благодаря этой деятельности Москва получала в целом объективную и разностороннюю информацию, способную сформировать у советского руководства достаточно полное представление об экономической политике болгарского государства. А эта политика, как бы критически ни оценивать ее сегодня, отражала намерения национального руководства через экономическое ускорение и всестороннее сближение с Советским Союзом вывести Болгарию на путь научно-технического прогресса, то есть соответствовала представлениям болгарского руководства о национально-государственных интересах страны.

Примечания

- ¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Т. 1–3 /Гл. ред. акад. А.А. Фурсенко. М., 2003–2008; Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 гг. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления: в 3-х т. М., 2004–2008.
- ² *Стыкалин А.С.* Советско-болгарские отношения в 1953–1964 гг. по материалам Президиума ЦК КПСС // Россия — Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII–XXI вв. Российско-болгарские научные дискуссии. М., 2010. С. 527–541.
- ³ *Волокитина Т.В.* Тодор Живков: «...НРБ станет единым целым с Советским Союзом...» (О планах превращения страны в «16-ую республику СССР») // Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура. Сб. статей / Отв. ред. Т.В. Волокитина. М., 2013. С. 265.
- ⁴ VII конгресс на БКП. Резолюции, директивы, решения. София, 1958. С. 15.

- ⁵ Централен държавен архив на Република България (далее — ЦДА). Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 357. Л. 140.
- ⁶ *Яхиел Н. Тодор Живков и личната власт*. София, 1997. С. 112–113.
- ⁷ *Баева И. Тодор Живков*. София, 2006. С. 50.
- ⁸ Это отмечали и советские дипломаты, работавшие в стране. В информационных материалах посольства СССР от 6 ноября 1969 г. подчеркивалось: «...Сказывается по-прежнему его (Живкова. — Т.В.) увлеченность всевозможными перестройками, реорганизациями, экспериментами и другими новшествами» в руководстве народным хозяйством (АВП РФ. Ф. 074. Оп. 60. П. 257. Д. 27. Л. 239).
- ⁹ Цит. по: *Баева И.* България от 50-те години през погледа на ЦРУ // Модерна история. Сборник исторически изследвания в чест на 65-годишнините на професор д-р Величко Георгиев и академик Илчо Димитров. София, 1999. С. 359.
- ¹⁰ Цит. по: *Марчева И. Тодор Живков — пътят към властта*. Политика и икономика в България. 1953–1964. София, 2000. С. 195.
- ¹¹ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 357. Л. 42.
- ¹² Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января — 5 февраля 1959 г. Стенографический отчет. Т. I. М., 1959. С. 325.
- ¹³ *Марчева И. Тодор Живков — пътят към властта*. С. 195.
- ¹⁴ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 53. П. 234. Д. 36. Л. 74.
- ¹⁵ Там же. Оп. 52. П. 230. Д. 26. Л. 35–37.
- ¹⁶ Там же. Оп. 53. П. 234. Д. 36. Л. 95; Оп. 51. П. 227. Д. 22. Л. 140; Д. 23. Л. 163–164.
- ¹⁷ Там же. Оп. 52. П. 230. Д. 26. Л. 38.
- ¹⁸ Там же. Л. 37.
- ¹⁹ Там же. Л. 40.
- ²⁰ XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. III. М., 1962. С. 276.
- ²¹ Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января — 5 февраля 1959 г. Стенографический отчет. Т. II. М., 1959. С. 419.
- ²² ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 479. Л. 6.
- ²³ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 52. П. 228. Д. 6. Л. 102.
- ²⁴ *Марчева И. Тодор Живков — пътят към властта*. С. 31.
- ²⁵ Подробнее см.: *Лазарева Л.Н.* Экономическая дискуссия 1962–1964 годов: выработка идеологии «косыгинской» реформы // Историко-экономические исследования. 2016. Т. 17. № 3. С. 453–466; *Лисовицкий В.Н.* Евсей Либерман — идеолог «косыгинской» хозяйственной реформы // Там же. С. 433–452.
- ²⁶ Подробнее см.: *Байбаков Н.М.* От Сталина до Ельцина // *Байбаков Н.М.* Собр. соч. в 10 томах. Том 5. М., 2011. С. 131, 143, 146.
- ²⁷ *Чакъргов К.* Втория етаж. София, 1990. С. 118.
- ²⁸ ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 562, 574.
- ²⁹ *Бонев Ст.* Времето, в което живях и хората, с които работих. София, 2001. С. 65.
- ³⁰ АВП РФ. Ф. 074. Оп. 53. П. 234. Д. 35. Л. 33–35.
- ³¹ Там же. Оп. 51. П. 227. Д. 22. Л. 73–82.
- ³² Там же. Л. 147–149.
- ³³ Там же. Оп. 53. П. 234. А.е. 35. Л. 118–119.
- ³⁴ Там же. Л. 102.
- ³⁵ Там же. Оп. 54. П. 238. Д. 29. Л. 4.
- ³⁶ Там же. Оп. 53. П. 231. Д. 7. Л. 5, 14.

37 Там же. А.е. 481. Л. 115–116.

38 Там же. С. 236.

39 *Марчева И.* Проблемите на модернизацията при социализма: индустриализацията в България // *Изследванията по история на социализма в България. 1944–1989.* София, 2010. С. 200.

40 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 54. П. 238. Д. 29. Л. 3, 60, 65.

41 Там же. П. 236. Д. 7. Л. 10, 11.

42 Там же. Оп. 51. П. 226. Д. 13. Л. 34.

43 *Марчева И.* Тодор Живков — пътят към властта. С. 216, 218, 219.

44 *Никова Г.* «Реформите» в СМВ през 60-те години на XX век и България // *България и Русия: между признателността и прагматизма.* София, 2008. С. 646–658.

45 *Баева И.* България в 60-е годы XX века: ответ на вызовы меняющегося мира // 1956 год. Российско-болгарские научные дискуссии. Сб. статей / *Ред.: Г.Г. Литаврин, Р.П. Гришина, Т.В. Волокитина.* М., 2008. С. 439.

46 ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 6. А.е. 5102. Л. 97–99; А.е. 5165. Л. 41–42.

47 *Баева И.* България в 60-е годы XX века. С. 440.

48 ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 583. Л. 36.

49 Там же. Л. 37.

50 *Стоянов Л., Лефтеров Ж.* Политиката на БКП за превръщане на България в съветска република (От идейни постулати към практически действия) (Част I) // *Нов български университет. Годишник на департамент «История».* Т. 2. София, 2010. С. 213.

51 См., напр.: *Баева И.* България и Съветският Съюз след Втората световна война — прагматизмът на българската позиция // *България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии.* София, 2000. С. 425–433; *Стоянов Л.* «Като един организъм, който се ороява от единна кръвоносна система» (За юлския пленум на ЦК на БКП от 1973 г.) // *България между признателността и прагматизма. Сборник доклади от международна научна конференция.* София, 2009. С. 658–668.

52 Подробнее см.: *Баева И., Калинова Е.* 16-а република ли? Изследвания и документи за българо-съветските отношения след Втората световна война. София, 2017. С. 15.

53 См., напр.: *Волокитина Т.В.* България — 16-я республика СССР: замыслы и действительность. 1960-е годы // *Новая и новейшая история.* 2012. № 6. С. 36–51; *она же.* Тодор Живков: «...НРБ станет единым целым с Советским Союзом...» (О планах превращения страны в «16-ую республику СССР») // *Москва и Восточная Европа. Непростые 60-е... Экономика, политика, культура.* Сб. статей / *Отв. ред. Т.В. Волокитина.* М., 2013. С. 240–274.

54 ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 5. А.е. 583. Л. 37.

55 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 52. П. 228. Д. 6. Л. 102.

56 Там же. Оп. 56. П. 243. Д. 6. Л. 128; Оп. 57. П. 246. Д. 8. Л. 18; П. 248. Д. 25. Л. 56 и др.

57 *Кастелов Б.* Тодор Живков — мит и истина. 563 щриха към портрета. София, 2005. С. 709.

58 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 57. П. 248. Д. 25. Л. 35.

59 Там же. Оп. 60. П. 254. Д. 8. Л. 65.

60 ЦДА. Ф. 1Б. Оп. 34. Д. 17. Л. 59.

61 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 57. П. 248. Д. 25. Л. 35.

- 62 Там же. Оп. 58. П. 250. Д. 13. Л. 21.
- 63 Там же. Л. 32, 33. Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы: в 3-х томах. Том III. 1959–1969 / Отв. ред. М.Е. Позолотин, Зл. Златев. М., 1987. С. 390.
- 64 Советско-болгарские отношения и связи. С. 390–391.
- 65 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 58. П. 249. Д. 8. Л.130, 136, 138, 155, 223, 224.
- 66 Там же. П. 250. Д. 27. Л. 244.
- 67 Там же. Оп. 59. П. 253. Д. 26. Л.56.
- 68 Там же. Оп. 58. П. 250. Д. 13. Л. 89.
- 69 Там же. Оп. 57. П. 248. Д. 28. Л. 9, 10.
- 70 Подтверждением могут служить материалы посольства о настойчивых действиях болгарской стороны весной 1969 г., когда в результате суровой зимы в Советском Союзе пришлось пересевать огромные площади озимой пшеницы. Госплан СССР был вынужден принять чрезвычайные меры, в частности, сократить экспорт нефтепродуктов на 1,5 млн тонн. Болгария оказалась перед перспективой недополучения нефти, газа, стального проката, целлюлозы и пр. Разрядить обстановку и восстановить прежние объемы поставок помогли личное письмо Живкова Брежневу и Косыгину от 24 марта 1969 г. и встреча болгарской делегации на переговорах по экономическим вопросам в Москве (май) с Косыгиным (Там же. Оп. 60. П. 254. Д. 8. Л. 9, 13, 18, 39, 109). В сентябре 1970 г. советское правительство приняло решение о дополнительных поставках в Болгарию важнейшего сырья, в том числе 750 тыс. тонн нефти, 150 тыс. тонн дизельного топлива, 500 тыс. тонн мазута и пр. (Там же. Л. 187).
- 71 Там же. Оп. 57. П. 248. Д. 27. Л. 156.
- 72 Там же. Оп. 60. П. 257. Д. 27. Л. 26.
- 73 Там же. Оп. 57. П. 248. Д. 28. Л. 42.
- 74 Там же. Д. 26. Л. 56.
- 75 Там же. Оп. 59. П. 250а. Д. 8. Л. 67.
- 76 Там же. Оп. 57. П. 247. Д. 13. Л. 37.
- 77 Там же. Л. 24.
- 78 Там же. Оп. 60. П. 255. Д. 15. Л. 47, 78.
- 79 Там же. Л. 19–26.
- 80 Эта оценка (но без негативного привкуса) фактически подтверждается и в работах современных болгарских исследователей. «“Отцы” болгарской реформы, пишет И. Марчева, — Г. Филипов, Д. Давидов, Е. Христов, Г. Петров и др. — сравнительно молодые, высокообразованные кадры; большинство — доценты, кандидаты наук; все учились или защищали диссертации в СССР, все они — “рыночники”» (Марчева И. Към историята на икономическата реформа в средата на 60-те години на ХХ век в България // Исторически преглед. 2012. Бр. 1–2. С. 169–170).
- 81 АВП РФ. Ф. 074. Оп. 60. П. 255. Д. 15. Л. 12–18.
- 82 Там же. Л. 13.
- 83 Там же. П. 254. Д. 8. Л. 196.
- 84 Там же. Л. 63.
- 85 Там же. П. 257. Д. 27. Л. 16.
- 86 Там же. Оп. 57. П. 247. Д. 13. Л.134, 143.
- 87 Там же. Оп.60 П. 255. Д.15. Л.56.

⁸⁸ Там же. Оп. 59. П. 253. Д. 27. Л.33–34.

⁸⁹ Там же. Оп. 60. П. 255. Д. 15. Л. 64–65.

⁹⁰ Там же. Л. 55.

⁹¹ Там же. Л. 49.